

УДК 81'42
ББК 81.0

Н.М. Щаренская

**ДОРОГА КАК ОБРАЗНЫЙ
КОМПОНЕНТ
КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ»
В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА
«МОЯ ЖИЗНЬ»**

Статья посвящена исследованию образа дороги как важнейшему компоненту концепта «жизнь» в повести «Моя жизнь» А.П. Чехова. Анализируется преломление образа в представлениях героев, рассматриваются соответствующие данному концептуальному признаку детали текста, доказывается обусловленность ряда элементов предметно-словесного состава повести воплощением образа жизни как дороги.

Ключевые слова: *Чехов, концепт, жизнь, дорога.*

Щаренская Наталья Марковна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 2-913-133; 8-918-511-48-86

© Щаренская Н.М., 2013.

Жизнь – постоянная и очень обширная тема творчества А.П. Чехова. Его герои вспоминают прошлое и думают о будущем, мечтают о начале новой жизни, представляют жизнь человечества через много лет. Во все это многоголосие вплетается голос самого автора, который оценивает своих героев, их мысли, поступки, их жизнь и выражает свое видение и понимание жизни. Еще до того, как были открыты перспективы когнитивного подхода к изучению индивидуального стиля автора, предпринимались попытки изучить специфику употребления слов *жизнь* и *жить* в творчестве А.П. Чехова в свете идей Б.А. Ларина [Бартвицка]. В настоящее время в сферу изучения идиостиля писателя входит не только значение слов, но и то знание, которое за ними стоит. Соответственно предметом изучения становится концепт, и имя *жизнь* в творчестве А.П. Чехова превращается в объект концептуального анализа. Предпринятое уже в русле когнитивного подхода исследование имеет своим результатом раскрытие определенных основополагающих когнитивных признаков «жизни» у А.П. Чехова [Фокина]. Однако концепт «жизнь» в творчестве А.П. Чехова изучен далеко еще не полностью: не выявлена парадигма его образов, не описана разница в реализации концепта в общем языке и у А.П. Чехова, не проанализировано преломление концептуальных признаков в полисубъектной картине мира автора и его героев.

Объект нашего анализа – повесть «Моя жизнь», что подсказано уже тем, что имя концепта вы-

несено в заголовок произведения. В повести обнаруживается целый ряд образных компонентов, представляющих «жизнь» как дорогу, поток, движение в воздухе, железную дорогу, лестницу, огонь, искусственно возведенное сооружение, живой организм, театр, ад. Все они взаимосвязаны и характеризуют жизнь и как общественное явление, и как все то, что происходит с отдельным человеком. Настоящее исследование ограничивается образом дороги и теми компонентами, которые непосредственно с ним связаны, будучи ему противопоставлены.

Жизнь в образе дороги очень ярко представлена в момент споров героев по принципиальному вопросу о том, как следует жить. Здесь же содержится и противоположный образ – водный поток, течение. Так как вопрос касается организации жизнедеятельности человека, процесса его жизни, концепт вербализуют глаголы – *жить* и соответствующие ему метафорические *идти* и *плыть*: «Талантливые, богато одаренные натуры, – сказала Должикова, – знают, как им жить, и идут своею дорогой; средние же люди, как я, например, ничего не знают и ничего сами не могут; им ничего больше не остается, как подметить какое-нибудь глубокое общественное течение и плыть, куда оно понесет» (с. 230).

Дорога – один из наиболее частотно реализуемых образных компонентов концепта «жизнь» в общем языке. Течение рассматривается как трансформация метафоры дороги [Ипанова, с. 364]. Приведенный отрывок из А.П. Чехова, однако, представляет собой антитезу, противопоставляющую два разных принципа организации жизни человека и соответственно две метафоры. Ассоциация с водой актуализирует совсем другие стороны денотата имени *жизнь*, нежели сравнение с дорогой. Чеховские нюансы, создающие картину жизни, включают самостоятельность, независимость человека или полную подчиненность его условиям общественной жизни. Образ самостоятельной жизни формирует метафорический перифразис *идут своей дорогой*, рисующий человека-пешехода. Дорога становится образом такой жизни человека, когда он полностью владеет ситуацией, распоряжается каждым своим шагом. Образное представление жизни людей зависимых основывается на лексикализованной метафоре «общественное течение», которая развивается в контексте, порождая образ человека, увлекаемого несущим его потоком. Любые общественные течения, как их оценивал А.П. Чехов, – это идеологические рамки, подавляющие индивидуальность. Метафора «общественное течение» способствует образному воплощению жизни человека, лишённого индивидуальности, нивелированной личности.

Существительное «течение» получает в повести экспрессивный синоним «веяние», с помощью которого доктор Благово выражает свое неприятие существующих общественных течений: «Течения, веяния, но ведь всё это мелко, мизерабельно <...> неужели в них можно видеть что-нибудь серьезное?» (с. 230). Синонимия устанавливает тождество сред обитания зависимого человека – вода и воздух. Обе они противопоставлены земле.

В повести «Моя жизнь» содержится иронический комментарий к идеологемам как основаниям общественных направлений [Собенников]. Жизнь героев в Дубечне – это иллюстрация жизни по самому популярному течению эпохи – толстовству. В его русло жизнь Мисаила направляет Маша. Она находит название тому, что делает в жизни герой, занимаясь физическим трудом (*«в вашем опрощении нет ничего ужасного»* (с. 226)), и, призывая Мисаила держаться буквального смысла слов о том, что хлеб нужно зарабатывать своим трудом, отправляет его в Дубечню. Заметим, что в деревенских сценах постоянно идет дождь, появляется описание мокрых дорог: *«После теплой, ясной погоды наступила распутица»* (с. 245); *«Дорога испортилась, стало грязно»* (с. 249).

Живя по течению, Мисаил чувствует себя оторванным от земли, «течение» превращается в «веяние», и жизнь принимает образ воздушного шара: *«я совсем потерял способность управлять ею (жизнью. – Н.Щ.), и она, точно воздушный шар, уносила меня бог знает куда. Я уже не думал о том, как мне добыть себе пропитание, как жить, а думал – право, не помню о чем»* (с. 242). Герой теряет независимость, самостоятельность, не может совершать никаких осознанных шагов – вообще не может идти. Его ощущения своей жизни соответствуют образу плывущего по течению человека в представлениях Маши: как в воде, так и в воздухе человек не в состоянии выбрать направление своего движения, оно непредсказуемо – зависит от прихоти воздушных или водных потоков. Положение человека в обеих картинах передается однокоренными глаголами – уносила, понесет. Представления Мисаила актуализирует такой признак концепта «жизнь», как отношения с человеком, что выражается в установлении агенсно-пациенсных ролей. Эти роли перераспределяются: жизнь из предмета, который должен двигаться в направлении, указываемом человеком, превращается в активно и своевольно действующего субъекта, полновластного распорядителя ситуации. Ситуация в жизни Мисаила, порождающая образные ассоциации, связанные с отрывом от почвы, неспособностью управлять жизнью, реально, как видно из приведенного контекста, выражается в том, что герой теряет определенность мысли, забывает важный для себя вопрос о том, как жить.

Образ, связывающий жизнь с представлениями о дороге, появляется в конце повести в письме Маши Мисаилу. Ища философского обоснования свободы, Маша находит опору в известном изречении «Все проходит», под которое подводит и жизнь: *«Все проходит, пройдет и жизнь, значит, ничего не нужно. Или нужно одно лишь сознание свободы, потому что когда человек свободен, то ему ничего, ничего, ничего не нужно»* (с. 272). Жизнь здесь сама предстает в облике пешехода, что достигается сочетанием существительного жизнь с глаголом *пройти*, обычным для русского языка. Персонификация жизни как пешехода вообще основана на метонимической мотивации: человек, идущий по дороге жизни – жизнь, идущая по дороге, и слово *жизнь* в выражении *жизнь пройдет* обозначает физиологическое существование челове-

ка. При этом олицетворение жизни выражает представления о ее не-зависимости, собственных законах, перед которыми человек бессилен. В словах Маши автономность жизни исключительно важна. Метонимический компонент не ощущается, остается лишь олицетворение жизни. Драма взаимоотношений человека и жизни в итоговых представлениях Маши заканчивается полным отсутствием человека. Он исчезает вместе с исчезновением интеллектуально-мыслительной деятельности, что достигается осознанием необходимости свободы. Это единственное усилие человека, или, точнее, насилие над ним, потому что конечный итог мысли – свобода – предопределен и указан. Субъектом жизни тем самым становится сама жизнь, и концепт соответственно вербализует не глагол, а имя. Картина Маши денотативно практически не наполнена: абстрактность существительного жизнь уменьшает изобразительность глагола *пройти*. В завершающих представлениях героини течения вода отсутствуют: выбор течения – это все же некоторая интеллектуальная деятельность человека, который должен его *«подметить»*. Кроме того, образ дороги соответствует объективной картине жизни, жизни в ее онтологии: дорога – это то, что дается человеку.

Мисаил не соглашается с тем знанием жизни, которое извлекла для себя Маша, и возражает ей: *«Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни»* (с. 279). Картина Мисаила отличается от представлений Маши тем, что в ней главным действующим лицом становится человек, настоящий субъект жизни. В фокусе внимания оказывается непосредственно передвижение человека – его шаги. Не жизнь, а человек получает образ пешехода, ступающего по земле, делающего шаги. Слова Мисаила подчеркивают первостепенную роль человека, значимость его шагов для жизни. Жизнь ставится в полную зависимость от человека. При отсутствии олицетворения жизни картина выглядит конкретно, наглядно. Слова Мисаила позволяют увидеть его точку зрения, положение относительно создаваемой картины: он, в отличие от Маши, не внешний наблюдатель проходящей жизни, а ее непосредственный участник, он видит жизнь изнутри (*«шаг наш»*), с самой *«дороги жизни»*. Шаги человека – это метафора поступков, при этом существительное *поступки* в русском языке – тоже метафора, связанная с передвижением, ходом, «ступанием» (поступью) человека. В словах Маши глагол *проходит* употребляется в значении ‘появится и исчезнет’, т. е. перестанет существовать, не оставив следа. В картине Мисаила нет бесследности абстрактной жизни. Положение человека как субъекта жизни, оставляющего следы, содержит мысль о его ответственности и тем самым о *«значении»* его шагов.

Шаги, которые совершает человек в жизни, и то, что он оставляет, – его наследие – соответствует тому, как он живет, какими нравственными принципами руководствуется. Для Мисаила вопрос о том, как жить, – главный, регулирующий его поступки и тем самым определяющий направление жизни. Причем это действительно вопрос, стимулирующий по-

стоянную мыслительную деятельность, исключаящий готовые ответы, предуказанные заранее выводы (как, например, вывод о свободе). В свое время Мисаил надеялся вместе с отцом осуществить интеллектуально-нравственное усилие, задуматься над жизненно-важным вопросом: «...я умолял вас понять меня, вдуматься, вместе решить, как и для чего нам жить» (с. 277). Однако для отца существует лишь сила традиции, которая должна направлять детей: «...все мои сверстники давно уже окончили в университете и были на хорошей дороге, и сын управляющего конторой Государственного банка был уже коллежским ассессором, я же, единственный сын, был ничем!» (с. 194). Очевидно, что «хорошая дорога» – это перифразис определенного образа жизни, как ее видит отец. «Хорошая дорога» предполагает для человека службу, определенную должность и, следовательно, лишает свободного выбора. Определение положения Мисаила – «был ничем» – с заменой одушевленного *никто* на *ничто* буквально выражает презрительно-уничижительное отношение общества к Мисаилу, однако заключает в себе и другое значение, намекая на неживость тех, кто получает законные должности на «хорошей дороге». Примечательно, что образное восприятие героем сходства всех своих должностей связано с водой, реализуясь в идиоматическом выражении: «...все эти девять должностей были похожи одна на другую, как капли воды» (с. 192). Должности – готовое направление жизни, поэтому они обнаруживают сущностное сходство с течениями.

Картину жизни героя как человека, пытающегося свободно осмыслить свою дорогу, создают некоторые детали повествования, воплощающиеся с помощью определенных лексических средств. Очень важен в этом плане начальный эпизод повести, описывающий конфликт Мисаила с отцом по поводу той жизни, которую выбирает Мисаил, и той жизни, которую он должен выбрать себе с точки зрения отца. Конфликт достигает высшей точки, когда Мисаил отказывается от наследства:

– ... если ты не поступишь опять на службу и последуешь своим предрешенным наклонностям, то я и моя дочь лишим тебя нашей любви. Я лишу тебя наследства – клянусь истинным богом!

Совершенно искренно, чтобы показать всю чистоту побуждений, какими я хотел руководиться во всей своей жизни, я сказал:

– Вопрос о наследстве для меня не представляется важным. Я заранее отказываюсь от всего (с.194).

Именно эти слова оскорбили отца, и он ударил Мисаила. Вопрос о наследстве принципиально важен для архитектора. Наследство – знак того, что сыном безоговорочно принят проложенный уже путь, осуществляется *на-следование*, движение по следам. Именно поэтому отец требует от Мисаила вполне определенного шага – «*по-ступления*» на службу. Выбор другого направления, совершение своего шага – *следование* своим «*наклонностям*» – означает невозможность *на-следования* отцу, *от-клонение* от единственно возможного, с точки зрения отца, пути. Дорога жизни в представлении Мисаила связана не с наследованием, т.е. не с бездумным передвижением по оставленным впередиидущими следам,

а с *руко-водством*. Это, однако, не означает наличие какого-либо иного субъекта действия, кроме самого идущего по дороге. Полная самостоятельность субъекта действия – руководства – выражается с помощью глагола на -ся в собственно-возвратном значении, когда «действие имеет своим объектом физическую личность самого субъекта – производителя действия» [Шахматов, с. 477]. Для глаголов такого залога характерно «отсутствие другого субъекта, кроме, однако, выражаемого творительным падежом для означения орудия действия» [Там же]. Субъектом, выполняющим функцию орудия действия в описываемой А.П. Чеховым ситуации является результат духовно-интеллектуальной деятельности самого героя – его «*побуждения*», т.е. намерение действовать, быть активным.

«*Чистота побуждений*» героя, которую он хотел показать отцу, по-видимому, противопоставлена оставленным на дороге жизни следам, подразумевая их противоположное качество (ср. значение глагола *наследить*). Таким образом, отказываясь от отцовского наследства, Мисаил отказывается идти по чужим следам. Он прокладывает свой путь на дороге жизни, сообщая каждому своему шагу «*чистоту*» намерений.

Однако в жизни Мисаила появляются испытания, и он не раз сворачивает со своей дороги. Все «повороты» героя так или иначе связаны с Должиковыми. Примечательна фраза, которую говорит Мисаилу Маша при их первой встрече в доме Должикова. Предложив ему подождать отца, Маша спрашивает: «*Вы ведь, кажется, против нас живете?*» (с. 203) Затем она говорит, что каждый день наблюдает из окна и видит Мисаила и его сестру. Очевидно, что Маша очень хорошо знает, где живет Мисаил, и кто пришел к ним в дом. Какой в этом случае смысл имеет вопрос Маши? Фраза ее не только выполняет фатическую функцию, выражая интерес Маши к Мисаилу и его сестре, но и развивает определенный подтекст. Сравним реплику Маши с замечаниями Мисаила о доме инженера: «*В большом доме напротив <...> играли на рояле*» (с. 197), «*В доме, что напротив, затихла музыка*» (с. 199). Как видно, в словах рассказчика и Маши используются разные лексемы, обозначающие местоположение дома – напротив и против. По свидетельству В.И. Даля, наречный предлог *против* используется в значении «навстречу» («иди зверю против, а я стану сбоку заходить»), для выражения пространственного положения («Дом против церкви»), а также «неприятной встречи, или борьбы или иного действия; вопреки, нарушая порядок» («Я против добрых людей не пойду») (Даль, т. 3, с. 519–520). Лексема *напротив* обозначает пространственное положение («подай ларец, что напротив часов»), используется в значении «вопреки», «наперекор», «назло» являясь наречием («она говорит всегда напротив») (т. 2, с. 455–456). Очевидно, что лексеме *против* более свойственно выступать в функции предлога в сочетании с глаголами, имеющими потенциальные семы «противодействие», и с глаголами движения с семой «направление». Для слова *напротив* более характерно определение пространственного положения предмета, причем не в движении, а в статике. Глагол *жить*

в реплике Маши в значении 'проживать' имеет сему 'постоянное местонахождение', и поэтому в сочетании *«против нас живете»* имеется известное семантическое противоречие. Конечно, можно объяснить это тем, что наречный предлог *против* придает словам Маши разговорно-бытовую окраску. Это определенным образом характеризует героиню, ее простоту в общении, что соответствует ее собственным словам: *«Я простой человек...»* (с. 226). Однако с учетом того, что жизнь в повести представлена как движение по дороге, а Мисаил выбирает свое собственное направление – вопреки представлениям всего общества, в том числе и Маши, фразу Маши можно воспринимать как вопрос непосредственно Мисаилу – о его образе жизни, нарушающем всеобщие представления, всеобщий порядок, общее направление. Для Маши Мисаил тот, кто живет по-своему, живет – идет – *«против них»*. Она не раз попытается заставить Мисаила повернуть в обратную сторону.

Когда Мисаил поступает на железную дорогу, уступая мольбам сестры, деятельность Маши в этом направлении не нужна – она начинает активно действовать тогда, когда Мисаил, покидая железную дорогу, которая была лишь иллюзией новой жизни, действительно обретает свой путь. Став рабочим, Мисаил ощущает новое рождение: *«В первое время всё занимало меня, всё было ново, точно я вновь родился»* (с. 216). Он оказывается в толпе народа, чувствуя себя на равных с другими, становясь ближе к земле, помогая, если что-то происходит на общей дороге: *«Я мог спать на земле, мог ходить босиком, – а это чрезвычайно приятно; мог стоять в толпе простого народа, никого не стесняя, и когда на улице падала извозчичья лошадь, то я бежал и помогал поднять ее, не боясь запачкать свое платье»* (с. 216). Именно в этот момент происходит встреча Мисаила с Машей и она приглашает его пожаловать к ней в дом *«запросто»* (с. 226). В доме Должиковых героя ждут постоянные пиршества – до Рождества и в Великий пост, реализующие мотив искушения [Собенников]. Интересно описание того, как Мисаил чувствовал себя в городе по дороге к Должиковым: *«Идя к ним, я угрюмо избегал встречных и глядел исподлобья, точно в самом деле был сектантом»* (с. 239). Встречные на пути Мисаила – это те, кто идет по общей дороге жизни, руководствуясь правильными понятиями. Дорога к Должиковым – движение против общего направления, поворот в обратную, неприемлемую для людей сторону. И Мисаил покидает дом инженера, но Маша приходит к нему, и начинается жизнь по течению.

Женитьба сына на Марии Викторовне радует отца. Как передает Клеопатра, *«он даже выразился так: “наш Мисаил”»* (с. 243) и задумал примирение. *«Наш Мисаил»* означает для архитектора возвращение сына, преодоление той ситуации, которую выразила Маша словами *«против нас живете»*. Примирения, однако, не состоялось: когда отец приехал в Дубечню, Маша его не приняла. То, что Маша, после рассказов Мисаила об отце, не хочет его принимать, должно объясняться

ее любовью к Мисаилу и неприятием дикости провинциальной жизни культурной столичной женщиной. Однако описание того, как Маша говорит об этом Мисаилу, свидетельствует не о любви и сочувствии, желании понять близкого человека, а лишь о холодности рассудочного решения, подчиняющегося железной логике «последовательности»: *«Видя, что я стою и молчу, что мне жаль моего отца, она сказала: «Надо быть последовательным. Я не приняла и велела передать ему, чтобы он уже больше не беспокоился и не приезжал к нам» (с. 246).* В изображении жизни в повести «Моя жизнь», как и в других произведениях А.П. Чехова, огромное значение имеет тема отношений между людьми. В требовании Машей *по-последовательности* просматривается не что иное, как следование бесчеловечным нормам той жизни, которую Маша отрицает. Использованная А.П. Чеховым для реплики Маши лексема *«последовательный»* явно соответствует картине жизни как дороги. Поступки, которые Маша требует от Мисаила, должны лишиться самостоятельности, обдуманности, движение должно превратиться в бездумное ступание по оставленным следам.

Интересно описание того, как, по какой дороге Мисаил идет вслед за отцом: *«Через минуту я... шел в город, чтобы объясниться с отцом. Было грязно, скользко, холодно. В первый раз после свадьбы ... в мозгу моем... промелькнула мысль, что, быть может, я живу не так, как надо. Я утомился, мало-помалу мною овладели слабодушие, лень, не хотелось двигаться, соображать, и, пройдя немного, я махнул рукой и вернулся назад» (с. 246).* Грязная и скользкая дорога – дорога с оставленными следами и испорченная водой, общая дорога отца и Маши. На ней нет настоящих попутчиков: идущие по ней не связаны ни пониманием, ни любовью, ни сочувствием. В приведенном контексте есть две безличные конструкции: одна с глагольным сказуемым (*«не хотелось двигаться, соображать»*), другая – с наречным (*«как надо»*), занимающая место придаточного при двусоставной части с глаголом сказуемым *«живу»*. Первая показывает полную зависимость субъекта и соответствует подавленности воли и мысли Мисаила. Вторая, напротив, выражает не паралич сознания, а активизацию, постоянный самоотчет личности, исключая вместе с тем неуправляемость, своеволие, ведущее к безнравственности, или к той свободе, о которой писала Маша. Жить, как надо, – вот тот императив, которым руководствуется Мисаил, выбирающий свой путь на дороге жизни.

Итак, образ дороги является важнейшим, базовым компонентом концепта «жизнь» в повести «Моя жизнь». Он воплощается во многих деталях повествования, обуславливая предметно-словесный состав текста. Дорога – это образ жизни в ее онтологии, автор показывает различные преломления его в сознании героев, что соответствует их поведению, поступкам, истинной духовной свободе или нивелировке личности.

Литература

Бартвицка Х. Слова «жить» и «жизнь» в творчестве А.П. Чехова: (семантико-стилистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2006. Т. 2, 3.

Ипанова О.А. Жизнь // Антология концептов. М., 2007.

Собенников А.С. Между 'Есть Бог' и 'Нет Бога'. Иркутск, 1997 [Электронный ресурс] URL: http://www.slovo.isu.ru/between_yes_no.html/ (дата обращения: 1 февр. 2013).

Фокина Ю.М. Особенности репрезентации индивидуально-авторской концептосферы в англоязычной и русскоязычной прозе (на материале рассказов А.П. Чехова и Д. Джойса): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: 18 т. М., 1974 – 1982. Т. 9. Все примеры из повести «Моя жизнь» приводятся по указанному изданию.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.